

После ухода Цина Сюй Шуанцы так и остался лежать на подстилке, бессильно раскинув руки.

Он смотрел в каменный потолок пещеры, пока совсем рядом с треском скручивались и полыхали сухие дрова.

«Большой Кот смутился?»

Но было не похоже.

Вспомнив Цина пару мгновений назад — хмурого, с давящей тяжелой аурой, говорившего с ним необычайно строго, — Сюй Шуанцы понял: самец просто разозлился.

Опустив длинные ресницы, Сюй Шуанцы задумчиво поскрёб пальцами мягкую звериную шкуру под собой.

Он позволил себе лишнее лишь потому, что Цин всегда ему потакал. Это непрерывное потакание породило вседозволенность: Сюй Шуанцы проверял границы разумного сна и снова, пока у него не возникла иллюзия. Иллюзия абсолютной близости и полной взаимной опоры.

Но если взглянуть трезво — он просто сам привык опираться на Большого Кота, превратив его в свой главный жизненный оплот.

Он повернул голову к каменной стене, испещрённой насечками-иероглифами. Если посчитать хорошенько, они ведь знакомы от силы полгода.

Осознав это, Сюй Шуанцы медленно сел и тихо пробормотал себе под нос:

— Надо извиниться перед Цинем.

Впредь подобного не повторится.

Тем временем Цин, выйдя из пещеры с внешне невозмутимым видом, скрылся в чаще. Однако в лесу он лишь ходил и ходил кругами вокруг деревьев.

Наконец самец остановился.

Замкнув очередной отчетливо вытоптанный круг, Цин всё для себя уяснил.

«Его нужно обучить».

Если субоборотень поймёт значение всех этих жестов, он перестанет вести себя столь беспечно.

Мысли их текли в совершенно разных направлениях.

Один как раз выходил из пещеры, второй возвращался; столкнулись они на пологом склоне перед самым входом.

Заметив Цина, Сюй Шуанцы без колебаний сбежал вниз по тропе. На его лице играла лёгкая, привычно мягкая улыбка.

— Цин, извини меня. Я был неправ в том, как повёл себя. Простишь меня, а?

Цин кивнул без тени сомнений. Он как раз раздумывал, не завести ли разговор прямо сейчас, когда Сюй Шуанцы добавил:

— Тогда я пойду дальше заниматься делами?

Цин окинул его взглядом и лишь снова кивнул.

Что же, можно поговорить и вечером.

Сюй Шуанцы отступил на пару шагов, пропуская Цина.

Для обжига керамики требовалось пропасть дров. Сушняка в лесу хватало, пусть вблизи пещеры всё уже подчистили. Прихватив плетёный короб и каменный нож, Сюй Шуанцы углубился в чащу.

Собранные сучья и поленья он туго увязывал лианами и закреплял поверх короба.

Сюй Шуанцы прошвырялся по лесу до самого вечера, а когда вернулся к холму, обомлел: куча сухих дров возвышалась целой горой.

Замрев от изумления, юноша услышал за спиной шаги и, повернувшись, увидел Цина, выходящего из-за деревьев.

— Спасибо, — улыбнулся Сюй Шуанцы.

Цин окинул его пристальным взглядом. Лицо человека оставалось прежним, однако в поведении сквозила явная, неоспоримая отстранённость.

Понимая причину, Цин лишь кивнул и сбросил очередную охапку. Разговор он решил отложить до вечера.

Но Сюй Шуанцы и не думал отдыхать: наспех перекусив, он тут же взялся за обжиг. И день, и ночь юноша неустанно дежурил у печи. Словно вытапливал из себя жизненный жир — будто задался целью выжать себя досуха, не оставив ни капли сил.

Осознание того, что Цин не останется с ним навечно — что однажды он, как и кошки из Поселения Кошек, обзаведётся партнёром, детёнышами и собственным очагом, а сам Сюй Шуанцы так и останется одиноким пришельцем, — заставило его быстро взять себя в руки и вернуться к прежней суровой самодисциплине.

Первый шаг к выживанию — сытость и тепло — пока обеспечивал Цин.

Второй шаг — комфортные условия жизни. Сюй Шуанцы должен был создать их сам. А заодно сделать кое-что в знак благодарности Цину.

Сюй Шуанцы без отдыха дежурил у гончарной печи. Тело изнывало от усталости, но на душе становилось спокойно и собранно.

Цин же словно снова увидел его в первые дни после появления: загнанного, отчаянного. Он кружил рядом, сгорая от беспокойства, но ничего не мог поделать.

Процесс обжига остановиться не мог. Но стоило Сюй Шуанцы вытащить последнюю головешку из поддувала, как Цин, не теряя ни секунды, подхватил его и силой уволок в пещеру.

Сюй Шуанцы едва держался на ногах: слипающиеся веки валились сами собой. Это знакомое состояние полнейшего истощения, сдобренное чувством выполненного долга, как ни странно, дарило ему изрядное ощущение безопасности.

Скользнув взглядом по пушистому хвосту, захлестнувшему его талию, юноша покорно свесил голову и поплёлся вслед за тянувшей его силой. Ноги налились свинцом, он зацепился за сухую траву и споткнулся. Прежде чем он успел упасть, мощный хвост подхватил его и подбросил прямо на широкую спину Белого Тигра.

Сюй Шуанцы молча обнял Цина за шею, лишь слегка сомкнув пальцы.

Это позволялось.

Мягкая шерсть и исходившее от зверя тепло манили прижаться щекой, но подобная фамильярность теперь казалась уместной меньше всего. Чтобы отвлечься, он заставил свой разум переключиться на незавершённые дела.

Печь погасла, открыть печь можно будет лишь через пару дней.

Сюй Шуанцы мысленно перебирал оставшиеся задачи. Ах да, он ведь ещё не проверил яйца.

Отяжелевшие веки чуть приоткрылись; мимо проплыла размытая зелень листвы, а затем показался и прохладный сумрак пещеры.

Оказавшись внутри, Цин поджал лапы и опустился на брюхо.

Сюй Шуанцы сполз с его спины и мягко улыбнулся:

— Спасибо, Цин.

С этими словами он сразу суетливо поспешил к костру, откинув покрывающую яйца шкуру. Поочерёдно поднимая их к огню, он внимательно разглядывал содержимое на просвет и аккуратно переворачивал, проверяя, всё ли в порядке, и лишь убедившись в этом, окончательно сдался подступающему сну.

Словно полуживой призрак, он кое-как ополоснулся, доплёлся до постели, накрылся звериной шкурой с головой и мгновенно провалился в небытие.

Цин, лежавший на подстилке, не сводил с него глаз.

Встав, тигр подошёл к ложу и осторожно стянул шкуру с головы юноши. Однако тот вдруг вздрогнул всем телом и испуганно распахнул глаза.

Увидев Цина, Сюй Шуанцы выдохнул, выдавил усталую улыбку и хрипло пробормотал:

— Я немножко посплю... Не обращай на меня внимания.

Он повернулся на бок и калачиком свернулся под шкурой — совсем как младенец.

Выждав некоторое время, Цин забрался на ложе. Его хвост скользнул по шкурам и касательно задел ладонь юноши.

Эта кисть когда-то была гладкой, белой и изящной, а теперь покрылась въевшейся пылью, исчерченная множеством мелких ссадин и царапин.

Прошло немало времени, прежде чем кончик хвоста ощутил лёгкое сжатие.

Уши Цина дёрнулись; когда субоборотень, крепко обняв хвост, повернулся к нему, самец чуть приподнял лапу.

Глядя на субоборотня, спустя несколько дней снова уткнувшегося в его шерсть, Цин аккуратно опустил подбородок ему на макушку.

«Пусть тискает, если хочет».

Ему совсем не нравился такой — пугливый, осторожный и зажатый — Сюй Шуанцы.

Сюй Шуанцы проспал сутки напролёт. Но, проснувшись, не ощутил привычной мучительной пустоты в желудке. В памяти смутно всплыло, как его среди ночи растолкали и буквально силой заставили сглотнуть какую-то пищу, пока он едва открывал глаза.

Юноша по привычке ласково потёрся щекой о мягкий мех, но тут же замер, опомнившись.

Однако не успел он отстраниться, как тяжёлая лапа на его спине сомкнулась, напрочь лишая возможности сдвинуться с места.

— Цин... — Сюй Шуанцы оказался прижат к густой шерсти на груди тигра так плотно, что даже голову поднять давалось с трудом.

— Выспался?

— Угу... А сколько я проспал? — Снаружи всё ещё царил тьма.

— Ночь и ещё целый день.

Сквозь слой густого меха Сюй Шуанцы явственно ощущал низкий гул, вибрацией расходящийся по грудной клетке самца. Закрыв глаза, он перевёл дыхание и слегка похлопал Большого Кота по лапе:

— Отпустишь?

Цин приподнял лапу.

Сюй Шуанцы откатился в сторону и с облегчением вытянулся на спине. Небо за входом оставалось тёмным, так что открыть печь удастся лишь утром.

Сложив руки на животе, он тихо спросил:

— Ты кормил меня, пока я спал?

— Кормил.

— А сам поужинал?

— Нет.

На душе у Сюй Шуанцы стало тепло и по-особенному уютно.

Большой Кот всё такой же заботливый.

— Хочешь жареного мяса? Я приготовлю, — проговорил он, уже поднимаясь с постели.

Цин плавно вильнул хвостом по шкурам:

— Хочу.

Прищурившись от улыбки, Сюй Шуанцы протянул руку к лбу тигра, но на полпути заколебался. Заметив, что Цин и не думает возражать, юноша всё же едва ощутимо провёл пальцами по пушистой макушке.

Лёгкое, невесомое прикосновение — считай, и не погладил вовсе.

Цин чуть выпрямил шею и сам ткнулся лбом прямо в ладонь Сюй Шуанцы, уставившись на него чистыми, прозрачно-синими глазами.

Именно этот взгляд неизменно заставлял сердце юноши оттаивать.

Сюй Шуанцы мысленно вздохнул и с явным удовольствием почесал тигра за ушами. Увидев, как самец от удовольствия прищурился, юноша убрал руку и со смешком поднялся:

— Пойду за мясом.

«Ещё немного — и я снова не удержусь, обниму его».

Пока жарилось мясо, Сюй Шуанцы проверил принесённые яйца. Сквозь скорлупу просматривались тёмные силуэты: зародыши внутри развивались вовсю. Пройдёт ещё максимум полмесяца, и птенцы начнут проклёвываться.

Приготовив для Цина пиршественный ужин, юноша и сам перекусил малым кусочком. Затем он согрел воды, отгородил угловой участок пещеры куском шкуры и устроил себе полноценную баню.

Двудневное дежурство у печи не прошло даром: даже после протирания влажной тряпичей кожу всё ещё покрывал вьёвшийся слой золы.

Цин, улавливая исходящий из-за ширмы свежий аромат и наблюдая за мелькавшими из-под шкуры стройными голеньями, хмурился от смутной тревоги.

На дворе всё ещё стояла стужа, а субоборотням ледяная вода отнюдь не на пользу.

Предчувствия его не обманули: той же ночью у Сюй Шуанцы подскочила температура.

Внешне юноша выглядел крепким, однако запаса сил в нём оставалось мало. Многодневный изматывающий труд окончательно истощил едва успевший восстановиться организм. Весенняя сырость довершила дело: несмотря на горячий бульон и тёплый очаг после мытья, Сюй Шуанцы сломался под напором мгновенно развившейся простуды.

Посреди ночи Цин очнулся от того, что лежавший у него в объятиях субоборотень мелко задрожал. Тот метался, бредя и жалуясь то на невыносимый жар, то на лютый колотун. Самец прикоснулся влажным носом к его лбу — и отшатнулся.

Жар стоял страшный, словно от свежесваренного яйца.

Эта болезнь казалась куда опаснее прежних хворостей. От подобного лихорадочного мора оборотни гибли сотнями.

Сжав волю в кулак, Цин благословлял тот день, когда Сюй Шуанцы решил обучаться знахарству в Поселении Кошек. Как же повезло, что юноша делал записи на бересте, а сам Цин успел выучить грамоту! Иначе эти каракули так и остались бы для него загадкой.

Сбросив звериный облик, Цин человеком выскочил наружу, нарвал на делянке нужные стебли и корешки, тщательно их промыл и швырнул в каменный котёл, залив водой.

Пламя в очаге разбушевалось настолько, что языки огня едва не объяли котёл целиком. Вскоре над закипевшим варевом поднялся густой травяной дух, моментально заполнивший всё пространство пещеры.

Пока отвар клокотал на огне, Цин силой поил Сюй Шуанцы подсоленной водой. Едва снадобье приготовилось, он вынес посудину к входу, чтобы остудить его на пронизывающем ветру.

Но когда самец попытался напоить больного, тот судорожно сжал зубы.

В душе Цина закипело отчаяние, а его и без того суровое лицо заледенело. Зажав юношу между коленей, он силой разжал ему челюсти и влил лекарство в горло.

Сюй Шуанцы закашлялся, давясь горькой жидкостью, из глаз градом посыпались слёзы. Он жалобно и слабо стонал, слипшиеся ресницы дрожали — вид у него был настолько несчастный, будто его жестоко обидели.

Наконец снадобье оказалось внутри.

Видя, что юноша лежит с закрытыми глазами и никак не может унять слёзы, Цин, оставаясь в человеческом облике, выпустил хвост и сунул его в дрожащие пальцы Сюй Шуанцы.

Тот судорожно вцепился в пушистую шерсть, уткнулся лицом и моментально промочил её слезами. Тихо похныкав ещё немного, он постепенно затих.

Цин крепко держал его в объятиях, ожидая, пока подействует целебная сила трав.

За эту бесконечную ночь лихорадка у Сюй Шуанцы нарастала дважды. Цин увеличил дозировку, безжалостно ободрав на грядке всю жаропонижающую траву подчистую, и лишь тогда хворость сдала позиции.

После суматошной ночной борьбы субоборотень наконец мирно затих. Лишь убедившись в этом, Цин опять перекинулся в огромного Белого Тигра и бережно укутал юношу своим телом.

Но именно сейчас, в наступившей тишине, его душу захлестнул запоздалый липкий страх.

Эта болезнь снова иссушила Сюй Шуанцы. Округлость щёк улетучилась без следа, талия сделалась совсем тонкой, а под приподнявшейся шкурой проступали выпирающие рёбра.

Несмотря на вялость и слабость, этот неугомонный человек всё ещё рвался к гончарной печи.

Тогда Цин просто-напросто захлестнул его талию хвостом и стал таскать за собой повсюду, не

спуская с него глаз ни на шаг.

О том, насколько близко подходила смерть прошедшей ночью, знал только он один.

— Цин... ну отпусти меня, а? — Сюй Шуанцы даже попытался щипать и тискать хвост, но самец был непреклонен.

Сколько бы юноша ни испробовал уловок — тех самых прикосновений, от которых Большой Кот раньше отпрыгивал как ужаленный, — Цин лишь прижимал его к подстилке и платил той же монетой, методично и упрямо вылизывая его с ног до головы.

Сюй Шуанцы беспомощно распростёрся на звериных шкурах.

Его щёки алели от влажных тигриных ласк, тёмные волосы до ушей беспорядочно растрепались, а в глазах стояли слёзы от бессилия. Он слабо потянул за густую шерсть на хвосте, обвивавшем его талию:

— Да отпусти же ты...

<http://bllate.org/book/20124/1993005>